

Амелия

Февраль 2020 года

Мой муж не узнаёт меня в лицо.

Сидя за рулем, чувствуя его взгляд, я размышляю, что же он видит? Если учесть, что ему вообще никто не кажется знакомым. Тем не менее, странно думать, что мужчина, за которого я вышла, не смог бы узнать меня на полицейском опознании.

Даже не глядя, я убеждена в том, какое сейчас выражение на его лице — угрюмая, раздраженная версия *«я же тебе говорил»*, — посему просто концентрируюсь на дороге. К тому же это необходимо, поскольку снегопад становится все сильнее. Такое ощущение, что мы движемся в белой мгле, и дворники на моем «Моррис Минор» справляются с трудом. Машина, как и я, появилась на свет в 1978 году. Если хорошо заботиться о вещах, они прослужат вам всю жизнь, но существует подозрение, что, вероятно, моему мужу захочется обменять нас обоих на более молодые модели.

С тех пор, как мы уехали из дома, Адам сто раз проверил свой ремень безопасности, а в данную минуту его ладони, лежащие на коленях, сжаты в кулаки. Поездка из Лондона в Шотландию должна была за-

нять не более восьми часов, но в такую бурю я не осмеливаюсь ехать быстрее. Даже несмотря на то, что начинает темнеть и опасность заблудиться среди множества дорожных развилки возрастает.

Могут ли выходные вдали от дома спасти брак? Вот какой вопрос задал мой муж, когда психолог предложила это попробовать. По мере того, как его слова крутятся в моей голове, сам собой возникает новый список сожалений. Мне очень грустно от того, что мы потратили впустую большую часть жизни, не прожив ее должным образом. Мы не всегда были такими, как сейчас, но наши воспоминания о прошлом могут сделать из нас лжецов. Вот почему я сосредоточена на будущем. Своем. Порой я все еще представляю в нем мужа, хотя бывают моменты, когда задумываюсь: как-ково это — снова оказаться одной. Я этого не хочу, и, тем не менее, иногда не могу отделаться от мысли: а вдруг так будет лучше для нас обоих. Время способно изменить отношения, как море меняет форму камней.

Увидев прогноз погоды, муж принялся настаивать, что мы должны отложить поездку, но я воспротивилась. Мы оба знаем, что эти выходные — последний шанс все исправить. Или по крайней мере попытаться. *Это* он признаёт.

Он, увы, не признаёт меня, но в этом нет его вины.

У Адама неврологический сбой, называемый прозопагнозией, означающий, что он не способен видеть отличительные черты на лицах, включая свое собственное. Он не раз проходил мимо меня на улице, словно я незнакомка. Социальная проблема, которую это неизбежно вызывает, затрагивает нас обоих. На

вечеринке Адам может быть окружен друзьями и все равно чувствовать, что не знает ни одного человека в комнате. Поэтому мы проводим много времени в одиночестве. Вместе, но порознь. Только мы. Слепота на лица — не единственная причина, по которой мой муж заставляет меня чувствовать себя невидимой. Он не захотел детей — всегда твердил, что ему невыносима мысль о том, что он не увидит их лиц. Он жил с этим заболеванием всю свою жизнь, а я — с тех пор, как мы встретились. Но иногда проклятие может быть благословением.

Мой муж не способен идентифицировать мои черты, однако есть другие способы, с помощью которых он научился узнавать меня: запах моих духов, звук моего голоса, ощущение моей руки в своей, пока он еще держал ее.

Браки не рушатся сами, это делают люди.

Я уже не та женщина, в которую он влюбился много лет назад. Интересно, может ли он определить, насколько старше я выгляжу сейчас? Замечает ли проседь в моих длинных светлых волосах? Сорок лет — это, возможно, и новые тридцать, но моя кожа покрыта морщинами, которые вызваны отнюдь не улыбками. Раньше у нас было так много общего, нас связывала не только постель, мы делились своими секретами и мечтами. Мы все еще заканчиваем фразы друг за другом, но теперь понимаем их неправильно.

— У меня такое чувство, что мы ездим по кругу, — бормочет он себе под нос, и одно короткое мгновение я сомневаюсь, что он имеет в виду: наш брак или мои навигационные навыки. Зловеще-синее небо, кажется,

отражает его настроение: он заговорил впервые за несколько миль. Дорога впереди занесена снегом, ветер усиливается, но это ничто по сравнению с бурей, назревающей внутри машины.

— Не мог бы ты просто найти инструкции, которые я распечатала, и прочитать их еще раз? — произношу я, безуспешно пытаясь скрыть раздражение в голосе. — Я уверена, что мы должны быть близко.

В отличие от меня, мой муж постарел невероятно красиво. Его сорок с лишним умело маскируются стильной стрижкой, загорелой кожей и телом, сформированным в результате чрезмерного увлечения полумарафонами. Он всегда отлично умел бегать, особенно от реальности.

Адам сценарист. Он начинал значительно ниже самой нижней ступеньки голливудской карьерной лестницы, не вполне способный взобраться по ней самостоятельно. Он всем рассказывает, что сразу после школы пошел в кинобизнес, хотя это неприкрытая ложь. В шестнадцать он устроился работать в кинотеатр «Электрик Синема» в Ноттинг-Хилл, где продавал закуски и билеты. К тому времени, когда ему исполнился двадцать один год, он продал права на свой первый сценарий. «Камень-ножницы-бумага» так и не вышел за рамки разработки, но в процессе сделки Адам приобрел агента, и тот нашел ему работу: написание адаптации романа. Та книга не была бестселлером, а вот ее экранизация — малобюджетная британская попытка — получила премию *Bafta*^{*}, и родился писатель. Конечно, не то же самое, что видеть соб-

^{*} Премия Британской академии кино- и телевизионных искусств.

ственных персонажей, оживающих на экране (дороги к нашим мечтам редко бывают прямыми), однако это означало, что Адам мог перестать продавать попкорн и наконец позволить себе писать полный рабочий день.

Сценаристы, как правило, не бывают знамениты, поэтому большинство зрителей могут не знать его, но я готова поспорить на деньги, что они видели хотя бы один из фильмов, снятых по сценарию моего мужа. Несмотря на наши проблемы, я откровенно горжусь всем, чего он достиг. Адам Райт заработал репутацию в этом бизнесе, потому что превращал неизвестные романы в блокбастеры, и он по-прежнему постоянно в поиске следующего. Я признаю, что порой испытываю ревность: думаю, это вполне естественно, учитывая количество ночей, когда он предпочитал брать в постель книгу. Мой муж не изменяет мне с другими женщинами или мужчинами, он заводит любовные отношения со своими историями.

Люди — странный и непредсказуемый вид. Я предпочитаю общество животных, и это одна из многих причин, почему я работаю в «Приюте для собак Баттерси». Четвероногие существа, как правило, становятся лучшими компаньонами, чем двуногие, собаки не держат зла и не умеют ненавидеть. Я бы не хотела останавливаться на других причинах, по которым я там работаю; иногда лучше не стирать пыль с наших воспоминаний.

Во время нашего путешествия за ветровым стеклом открываются постоянно меняющиеся эффектные пейзажи. Здесь деревья всех оттенков зелени, гигантские сверкающие озера, заснеженные горы и бесконеч-

ное количество идеального, нетронутого пространства. Я влюблена в Шотландское нагорье. Если и есть на Земле край прекраснее, то мне еще предстоит его найти. Мир здесь кажется намного больше, чем в Лондоне. Или, возможно, я кажусь меньше. Я нахожу покой в умиротворенной тишине и отдаленности этой местности: мы не видели ни души уже больше часа, что делает ее идеальной для претворения в жизнь моих планов.

Мы проезжаем вдоль бурного моря, плещущегося слева от нас, и направляемся дальше на север, под звуки разбивающихся волн, поющих нам серенаду. Когда извилистая дорога переходит в узкую полосу, небо, которое из голубого стало розовым, фиолетовым, а теперь и черным, отражается в каждом из частично замерзших озер, мимо которых мы движемся. Затем нас окружает лес. Древние сосны, припорошенные снегом и более высокие, чем наш дом, сгибаются штормом, точно спички. Снаружи машины точно призрак завывает ветер, постоянно пытаюсь сбить нас с курса, и, когда мы начинаем слегка скользить по обледенелой дороге, я сжимаю руль так сильно, что костяшки моих пальцев, кажется, выступают сквозь кожу. Мой взгляд падает на обручальное кольцо. Убедительное напоминание о том, что мы все еще вместе, несмотря на массу причин, по которым нам, возможно, следовало бы расстаться. Ностальгия — опасный наркотик, но я наслаждаюсь им, стою счастливым воспоминаниям наполнить мой разум. Может быть, мы ошибаемся и не все еще потеряно. Я украдкой бросаю взгляд на мужчину, сидящего рядом со мной, и задумываюсь, способны ли мы, несмотря ни на что, найти дорогу об-

ратно к нам прежним. Затем делаю то, чего давно не делала: тянусь, чтобы взять его за руку.

— Стой! — кричит он.

Все происходит слишком быстро. Впереди посреди дороги размытое, заснеженное очертание стоящего оленя, моя нога выжимает тормоз, машина виляет и крутится, прежде чем, наконец, замереть прямо перед огромными рогами животного. Сохатый дважды моргает, глядя на нас, потом, как ни в чем не бывало, спокойно уходит и исчезает в лесу. Даже деревья кажутся равнодушными.

Мое сердце бешено колотится в груди, пока я тянусь за сумочкой. Дрожащими пальцами нащупываю ключи, практически все остальное содержимое и только потом нахожу ингалятор. Встряхиваю его и делаю глубокий вдох.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Адама, прежде чем сделать еще один.

— Я же говорил тебе, что это плохая идея, — бурчит он.

В течение этой поездки я уже столько раз прикусывала язык, что он, должно быть, напоминает решето.

— Не припоминаю, чтобы у тебя имелась идея получше, — огрызаюсь я.

— Восьмичасовая поездка на выходные...

— Мы целую вечность обсуждали, что было бы неплохо посетить Нагорье.

— Было бы неплохо побывать и на Луне, но я бы предпочел, чтобы мы оговорили это, прежде чем ты забронируешь нам билеты на ракету. Ты же знаешь, как я сейчас занят.

«Занят» стало ключевым словом в нашем браке. Адам носит свою занятость, как значок. Подобно бойскаутам. Он этим даже гордится, считая статусным символом успеха. Это заставляет его чувствовать себя важным, а мне хочется швырнуть ему в голову романы, которые он адаптирует.

— Мы там, где мы есть, потому что ты всегда слишком занят, — говорю я сквозь стиснутые, стучащие зубы. В машине сейчас так холодно, что я вижу пар от своего дыхания.

— Прошу прощения! Ты хочешь сказать, что мы в Шотландии по моей вине? В феврале? В разгар шторма? Это ведь была твоя идея. По крайней мере, мне не придется выслушивать твое непрекращающееся нытье, когда нас насмерть раздавит упавшим деревом или мы умрем от переохлаждения в этой дерьмовой машине, в которой ты так хотела попутешествовать.

Мы никогда не ссоримся на публике, только наедине. Мы оба довольно хорошо соблюдаем приличия, и я нахожу, что люди видят исключительно то, что хотят видеть. Но уже долгое время за закрытыми дверями у мистера и миссис Райт что-то идет неправильно.

— Если бы у меня был телефон, мы бы уже были на месте, — бормочет он, роясь в бардачке в поисках своего любимого мобильного, и не может найти. Мой муж считает, что гаджеты и разные подобные вещицы — это решение всех жизненных проблем.

— Я спросила, взял ли ты все необходимое, прежде чем мы вышли из дома, — не сдаюсь я.

— Я и взял. Мой телефон был в бардачке.

— В таком случае он все еще должен быть там. Я не обязана собирать за тебя твои вещи. Я не твоя мать.

Я мгновенно жалею об этих словах, но не сказанного уже не воротишь.. Мать Адама занимает первое место в длинном списке тем, которые он не любит обсуждать. Я терпеливо жду, пока муж продолжает искать свой мобильный, хотя знаю: он никогда его не найдет. Адам прав, он действительно положил его в бардачок. Но сегодня утром, перед тем как уехать, я достала его и спрятала в доме. В эти выходные я планирую преподать своему мужу важный урок, и для этого ему не потребуется телефон.

Пятнадцать минут спустя мы снова в пути и, похоже, намечается прогресс.

Адам щурится в темноте, изучая распечатанные мной инструкции. Все, что написано на бумаге (если только это не книга или рукопись), а не на экране, кажется, сбивает его с толку.

— Тебе нужно повернуть направо на следующем перекрестке, — сообщает он увереннее, чем я ожидала.

Вскоре, чтобы разглядеть гористый снежный пейзаж впереди, нам приходится полагаться только на лунный свет. Уличных фонарей нет, а фары «Моррис Минор» едва освещают дорогу. Я замечаю, что у нас на исходе бензин, но уже почти час не вижу даже намека на место, где можно было бы заправиться. Метет безжалостно, и на многие мили вокруг не видно ничего, кроме темных очертаний гор и озер.

Когда мы наконец обнаруживаем старый, наполовину занесенный указатель на Блэкуотер, облегчение в машине становится ощутимым. Адам читает послед-

ний набор инструкций тоном, граничащим с энтузиазмом:

— «Пересеките мост. Когда будете проезжать скамейку с видом на озеро, поверните направо. Дорога вильнет вправо и вниз, ведя в долину. Если увидите паб, значит, вы заехали слишком далеко и пропустили поворот к отелю».

— Позже неплохо было бы поужинать в пабе, — предлагаю я.

Мы не издаем ни звука, когда вдали появляется «Блэкуотер Инн». Я сворачиваю, не доезжая до паба, тем не менее мы находимся достаточно близко от него, чтобы увидеть заколоченные окна. Призрачное строение выглядит так, будто давно заброшено.

Извилистая дорога, спускающаяся в долину, одновременно захватывающая и пугающая. Она выглядит так, словно ее высекли из горы вручную. Полоса, по одной стороне которой виден крутой спуск без единого аварийного барьера, недостаточно широка даже для нашей маленькой машины.

— Мне кажется, я что-то разглядел, — произносит Адам, наклоняясь ближе к ветровому стеклу и всматриваясь в темноту.

Мне видно только черное небо и белое одеяло, укрывшее все вокруг.

— Где?

— Там. Сразу за деревьями.

Я немного замедляюсь, поскольку он указывает в никуда. Но потом замечаю что-то похожее на большое светлое здание, одиноко стоящее вдалеке.

— Это всего лишь церковь, — говорит он упавшим голосом.

— Вот именно! — восклицаю я, читая старую деревянную вывеску впереди. — «Часовня Блэкуотер» — это то, что мы ищем. Мы на месте!

— Мы проделали весь этот путь, чтобы остановиться в... старой церкви?

— В перестроенной часовне. И, кстати, машину вели не мы, а только один из нас.

Я сбавляю скорость и едва ползу по заснеженной грунтовке, которая ведет от однополосной дороги в долину. Мы проезжаем мимо крытого соломой крошечного коттеджа справа — единственного, кроме церкви, здания на многие мили вокруг, — затем пересекаем небольшой мост и сразу же сталкиваемся со стадом овец. Жутковато освещенные нашими фарами, они сбиваются в кучу и преграждают нам путь. Я осторожно давя на газ и пытаюсь распугать их автомобильным гудком, но они не двигаются. С глазами, светящимися в темноте, животные выглядят немного сверхъестественно. Затем я слышу рычание на заднем сиденье машины.

Боб — наш гигантский черный лабрадор — большую часть пути вел себя тихо. В его возрасте ему больше всего нравится спать и есть, но он боится овец. И перьев. Меня тоже пугают разные глупости — впрочем, я имею на это право. Рычание Боба никак не действует на стадо. Адам без предупреждения открывает дверцу машины, и внутрь сразу же врывается шквал снега, обдавая нас со всех сторон. Я смотрю, как он вылезает, прикрывая лицо, затем прогоняет животных, чтобы открыть ворота, которые они загораживали. Не представляю, как Адам разглядел это в темноте.

Он забирается обратно в машину, не говоря ни слова, и я не спеша проделываю оставшуюся часть пути. Дорога проходит в опасной близости от края озера, и становится ясно, почему это место называется Блэкуотер*. Подъезжая к старой белой часовне, я начинаю чувствовать себя лучше. Это было утомительное путешествие, но мы справились, и я убеждаю себя, что все будет хорошо, как только мы окажемся внутри.

Выход наружу в пургу — это шок для нервной системы. Я закутываюсь в пальто, вот только ледяной ветер все еще выбивает воздух из легких, а снег летит прямо в лицо. Я выпускаю Боба из багажного отсека, и мы втроем плетемся по сугробам к большим деревянным дверям в готическом стиле. Перестроенная часовня поначалу представлялась романтической. Необычной и даже забавной. Теперь же, когда мы рядом, все немного напоминает премьеру нашего собственного фильма ужасов.

Двери часовни заперты.

— Владельцы упоминали что-нибудь о ящике для ключей? — интересуется Адам.

— Нет, они просто сказали, что будет открыто, — отвечаю я.

Я смотрю на внушительное светлое здание, прикрывая глаза от безжалостной снежной крупы, внимательно разглядывая белокаменные стены, колокольню и витражные окна. Боб опять принимается рычать, что для него не характерно, но, возможно, вдалеке снова появились овцы или другие животные. Что-то, чего мы с мужем просто не видим.

* В переводе с английского blackwater — черная вода.